

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК КНЯГИНИ З.А. ВОЛКОНСКОЙ

ARTISTIC DISTINCTIVE QUALITIES OF TRAVEL JOURNAL OF RUSSIAN DUCHESS Z.A.VOLKONSKAYA

N. Chuprinova

Annotation

The article describes artistic distinctive features of travel diary of Russian Duchess Z.A. Volkonskaya. The genre of the text came directly from elegant traditions of V.A. Zhukovsky. Her style characterized by philosophical generalizations, by romantic world attitude, by religion motives and by allusion in connection with literature and art of her time. But in the same time in her travelogues the writer abandon idea of comparison "theirs-ours". Also she develops well the theme of motherhood, motives and complications of it.

Keywords: Z.A. Volkonskaya, travel diary, travelogue, travels, "Northern Flowers".

Чупринова Наталья Викторовна
Соискатель, Московский
государственный областной
университет

Аннотация

В статье рассматривается художественное своеобразие путевых записок княгини З.А. Волконской. В жанровом отношении тексты писательницы вобрали в себя традиции В.А. Жуковского. Для путевых записок З.А. Волконской характерны философские обобщения, романтическое мироощущение, религиозные мотивы, аллюзии, связанные с литературой, живописью. Одновременно с этим писательница приносит оригинальное начало в свои тексты, когда отказывается от характерного для травелога противопоставления "свой-чужой", а также разрабатывает женские темы и мотивы, например, тему материнства.

Ключевые слова:

З.А. Волконская, путевые записки, травелог, путешествие, "Северные цветы".

Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) – одна из заметных женских фигур в русской литературе первой трети XIX века. Известная в аристократических кругах своими музыкальными талантами, княгиня проявила себя и как писательница и поэтесса. В известных альманахах появляются стихи, отрывки из поэм З.А. Волконской. И два года подряд в "Северных цветах" в книжках на 1830 и 1831 годы публикуются путевые записки княгини.

Как известно, в конце января 1829 г. З.А. Волконская выехала из Москвы в Петербург, чтобы оттуда отправиться в Италию. Впечатления от последующего путешествия по Западной Европе и легли в основу путевых записок, которые появятся в "Северных цветах".

Прежде чем анализировать тексты З.А. Волконской и выявить их своеобразие, необходимо коснуться жанра путешествия, путевых записок и их места в литературе первой трети XIX века. Литературовед Н.В. Иванова отмечает: "Путевые записки – это жанр художественно-документальной литературы, что свидетельствует о синтетической природе жанра, в его основе лежит описание реального или мнимого перемещения в действительном или вымышленном пространстве путешествующего героя, очевидца, описывающего малоизвестные или неизвестные отечественные или иностранные реалии и явления, собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие в процессе путешествия, а также повествование о

событиях, происшедших в момент путешествия" [2, с. 25]. Характерная черта жанра заключается в том, что он всегда представляет индивидуальное переосмысление впечатлений путешественником.

Путевые записки З.А. Волконской невозможно рассматривать без учета контекста. Большой интерес к Западной Европе появился у русских путешественников еще в 1790–е гг., на некоторое время он был прерван войнами с Наполеоном, но впоследствии вновь возобновился. Путевые записки писали люди различных профессий и званий, и сам жанр был популярен среди читателей.

В русской литературе существовали относительно данного жанра две наиболее значимые тенденции, которые проявили себя в текстах двух значимых писателей эпохи. Это "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина, которые начали печататься в "Московском журнале" с 1791 г. и отражали интерпретацию жанра писателем-сентименталистом. С другой стороны, находилось "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790) А.Н. Радищева. Помимо этого, путевые записки – один из наиболее "гибких" жанров, на которых отразилось влияние литературных и культурных течений [Там же, с. 8].

Здесь также важно выделить "Письма к великой княгине Александре Федоровне в 1821 году" В.А. Жуковского. В них отразились впечатления писателя от заграничного путешествия в Западную Европу в 1821–1822 гг., это иная интерпретация жанра, связанная с романти-

ческим мироощущением В.А. Жуковского. "«П>оэт–романтик увлечен охотой за единичными моментами самотрансцендентности, которые диалектически противопоставлены прозаическому существованию", – отмечает А. Шёнле [7, с. 106–107]. Как покажет дальнейший анализ, путевые записки З.А. Волконской наиболее приближены по своим содержательным и стилистическим особенностям к произведению В.А. Жуковского, хотя в чем-то схожи с карамзинскими "Записками".

Первое, что стоит отметить, путевые записки З.А. Волконской нарушали каноны жанра. Н.В. Иванова отмечает: "Основным жанровым типом путешествий в генетическом смысле слова является путешествие в чужие земли. Для литературного путешественника место отправления (его Родина) – это, прежде всего, то место, где складывается состав нравственного бытия путешественника, тот или иной его литературный образ" [2, с. 10]. В этом смысле путешествие обычно предполагает, что точкой отсчета является пространство, родное герою, то есть "свое" пространство, конечный пункт – это "чужое" пространство. Душа путешественника становится словно бы перекрестком, на котором пересекаются разные культуры и мировоззрения. Путешественник изнутри своей культуры "смотрит" в чужую, появляется противопоставление и столкновение "своего"–"чужого". А. Шёнле в данном случае говорит об "инаковости", которая является основой жанра путешествия [7, с. 24]. Многие путешественники выступают в роли посредников и переводчиков, которые описывают определенные явления представителем "родной" им страны. Данное противопоставление "свой"–"чужой", характерное для жанра, оказывается нивелированным в "Путевых записках" З.А. Волконской. Так, автор не движется в направлении от своей Родины в "иное" пространство.

Как известно, З.А. Волконская детство провела в Италии, и эта страну также считала родной для себя. В своей жизни писательница совершила несколько путешествий из России в Европу и обратно. Например, в 1811–1817 гг. княгиня с семьей сопровождала императора Александра I во время заграничных походов. В 1817–1821 гг. жила в Петербурге, затем в 1822 г. совершила поездку в Италию. Наконец, с 1824 г. она жила в Москве, откуда и отправилась в Рим в 1829 г. и поселилась там. Для З.А. Волконской это был окончательный отъезд из России. Впоследствии она только два раза приедет в Россию на короткое время – в 1836 г. и в 1840 г., чтобы увидеться с сыном и мужем.

В каком–то смысле у княгини были две Родины – это Италия и Россия. "Она любила Россию, но ее инстинктивно тянуло в западную Европу, тянуло в ту сторону, где протекало ее детство, и душа ее в своем вечном волнении, как будто желала совместить "холодные снега России" с жарким солнцем и голубым небом Италии", – пишет М.А. Гаррис [1, с. 54]. "Италия, кажется, сделалась ее вторым отечеством, и, впрочем, – кто знает? Может быть, необходимость Италии есть общая неизбежная судьба всех имевших участь, ей подобную? Кто из первых впечатле-

ний узнал лучший мир на земле, мир прекрасного; чья душа от первого пробуждения в жизнь была, так сказать, взлелеяна на цветах искусств и образованности, в теплой итальянской атмосфере изящного; может быть, для того уже нет жизни без Италии, и синее итальянское небо, и воздух итальянский, исполненный солнца и музыки, и итальянский язык, проникнутый всею прелестью неги и грации, и земля итальянская, усеянная великими воспоминаниями, покрытая, зачарованная созданными гениального творчества, – может быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственным неудушающим воздухом для души, извлеченной роскошью искусств и просвещения", – так писал в своем знаменитом обзоре "О русских писателях" (1833) И.В. Киреевский [3, с. 127].

Если в путешествиях герой, получивший множество впечатлений, с радостью возвращается в родные края, то для писательницы поездка в Италию становится подобным возвращением к родной земле, а не познанием чужой культуры. "Я в Италии! Повторяю с поэтом: "Италия, Италия, о ты, приявшая от жребия несчастный дар красоты с роковым венком бесконечных бедствий, которые, печальная, являешь на челе своем!" – пишет З.А. Волконская, находясь у подножья Альп [6, с. 12].

В путевых заметках писательницы нет позиции "извне", через которую она смотрела бы на Италию. При этом прослеживаются иногда редкие сравнения Италии и России: "Какое блаженство стремиться к Италии, удалиться от холодных ветров, от сухой, песчаной почвы, от ленивой природы Севера! Какое блаженство дышать весенним воздухом после долгой болезни, ведь и зима – болезнь, страдание земли... Она так же все краски стирает и превращает в бледность, она так же иссушает все источники жизни, – и даже слезы жаркие останавливаются и превращаются в капли ледяные" [Там же, с. 8]. Италия для З.А. Волконской – это, прежде всего, весна, возрождение к жизни от болезни, возвращение к теплу. Но в то же время путешественница помнит о своей Родине и, сравнивая Россию и Италию, напрямую обращается к своим читателям, призывает их к гордости за свое Отечество: "Путешествие – какой изобильный источник для мыслящего! Там называют горами, что далее пригорки; что здесь дремучий лес – там редкая роща; то, что там пропасть, здесь долина; что для того восток, для другого север; для меня отечество, для тебя чужбина; но могут ли быть края совсем чужие для истинного филантропа? Отечество! Священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздается наш родной язык. Отечество! Ты наш родитель, а братья и друзья – всюду, где жизнь пылает и сердце бьется" [Там же, с. 11]. В этом отрывке проявляется не просто космополитизм З.А. Волконской, но ее романтическое сознание. "Слияние с миром объектов ради того, чтобы быть самим собой – вот лучшая характеристика той разновидности самоидентификации, к которой автор прибегает во время своего путешествия. За парадоксом отказа от самого себя, который оборачивается самооткрытием, скрывается двой-

ственность рассказчика, определяющая его понимание мира. Он путешествует в поисках тех моментов, когда может выйти за пределы своей личности и подняться к иному, более истинному и свободному самосознанию", – так А. Шёнле описывал восприятие путешествия по Западной Европе В.А. Жуковским [7, с. 105]. Для З.А. Волконской характерен схожий масштабный, трансцендентный взгляд на мир вокруг, что подтверждает и предложение, которым завершается приведенный выше отрывок из ее путевых записок: "Славянин! Гордись родиной, дари ее жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца, любящие бессмертную истину Создателя и красоту Его создания" [6, с. 11]. Здесь необходимо подчеркнуть еще одну особенность текста З.А. Волконской. Лейтмотивом через путевые записки проходят мистическое чувство и религиозные мотивы. Писательница видит перед собой, в первую очередь, не Россию или Италию, но божественные творения, как и В.А. Жуковский, который в своих заметках записал благоговейные впечатления от рафаэлевской Сикстинской Мадонны.

В упомянутом контексте (религиозные и мистические мотивы) важным предметом описания для З.А. Волконской становится природа. Автора мало интересуют этнографические подробности, обычаи, быт и другие моменты, которые обычно волнуют путешественников. Главные ее впечатления связаны с пейзажами, которые она видит вокруг себя. Путевые записки наполнены природными описаниями.

Наблюдая за горами, лесами, деревьями, писательница восхищается замыслом Божиим, словно бы соприкасается с духом Творца. Взгляд З.А. Волконской от материального устремляется к духовному: "Как богата мысль Божия, распределившая климаты на земле! Какая странная лаборатория, которой Бог есть душа, и попечитель, и художник! Здесь изобильная роса утоляет иссохшую землю; там хляби небесные растворяются и проливают вдруг ручьи теплой весенней воды на землю оледенелую, – когда почва песчаных пустынь, тщетно ожидающая дождя, кажется готова произнести проклятие на небо, – оно обливает ее свежим потоком, который дарует ей снова жизнь и терпение" [Там же, с. 9–10].

Многие описания в путевых записках плавно перетекают в философские обобщения. Они становятся частью метафоры: "Как трудно ехать по каменистой неровной дороге! А тяжелее тому, который непрестанно смотрит на трудный путь свой, считает все камни, которые могут ранить его ногу. Взгляни он на синие горы вдали, на гордые скалы, на извивающуюся крутую дорогу, в которой он спустился, и тогда запыхавшаяся его грудь вздохнет от чувства и восторга: так поэт, смотря на прошедшие скорби души, на гонения, на клевету, на невозвратные утраты, находит в них краски поэзии и красоты, и в мучительном водовороте страдания пьет вдохновение и славу" [Там же, с. 10]. Подобного рода параллели часто звучат в тексте, и через них можно понять жизненную позицию З.А. Волконской. Авторское настроение оказывается опреде-

ляющим для настроения путевых записок.

В контексте религиозные мотивы отмечается, что путевые записки пронизаны различными библейскими аллюзиями. Например, природа в Тироле вызывает у автора евангельские ассоциации: "Вершины гор, освещенные солнцем, полузакрытые облаками, напоминают о таинственных Синае и Фаворе, как будто и здесь скрывается для взора недостойного какое-нибудь чудо" [5, с. 223–224]. Там же в Тироле писательнице вспоминается библейское предание о Ное: "Длинные паутины, развешанные по кустам со всех сторон, обещают селянину продолжение ясных дней, – но как легко может прерваться его надежда, как тонка нить, на которой она отдыхает! Как и все надежды смертного, а простой житель полей так же верит сим вещам предсказаниям, как Ной радуге примирительной" [6, с. 9].

Религиозная тема и тема искусства оказываются тесно связанными в путевых записках З.А. Волконской. Княгиня была поклонницей искусства и хорошо разбиралась в нем. "В ней врожденная любовь к искусству. О если бы она в молодости писала по-русски! У нас бы поняли, в чем состоит деликатность и эстетизм стиля. Она создала бы у нас шатобрианову прозу", – писал С.П. Шевырев [4, с. 478].

Путешествие З.А. Волконской содержит множество аллюзий на произведения живописи. Например, при описании природы Тироля автор вспоминает творения известных европейских художников и "напоминает" читателю характерные пейзажи: "Со всех сторон я вижу пейзажи Рюисдаля и Сальватора Розы. Какое торжество для художника, когда сама природа, творение Божие, напоминает произведения смертного" [5, с. 225]. Находясь уже в Италии, автор, описывая впечатления от Венеции, отправляет читателя к картинам Тициана: "Не видны ли краски Тициана в трех словах баркаролы: *dia s'abozza il giorno*: уж обрисовывается день" [6, с. 16].

Помимо сопоставлений природы и окружающих явлений с живописью, путешественница также описывает произведения искусства великих художников, которые встречает на своем пути. Например, когда З.А. Волконская пишет о пребывании в Падуе, она упоминает о фресках Джотто в церкви. Данный отрывок путешествия похож на очерк об искусстве, поскольку писательница анализирует и характеризует представленные образы, сравнивает работы Джотто с работами Микеланджело.

Необходимо отметить и различные литературные события, воспоминания и аллюзии, присутствующие в путевых записках З.А. Волконской. Путешествие начинается с Веймара, родины И.Ф. Гёте. Автор рассказывает о своем посещении немецкого писателя и приводит большое количество восхищенных сравнений: "Там я посетила Гёте. Такого всеобъемлющего поэта можно сравнить со старинным, изящным многолюдным городом, где храмы светлого греческого стиля, с простыми гармоническими линиями, с мраморными статуями, красуются возле готических церквей, темных, таинственных, с прозрачными башнями, с кружевной резьбой, с гробницами рыцарей

средних веков" [5, с. 217]. Это была не первая встреча княгини с немецким гением, она была знакома с И.Ф. Гёте со временем заграничных походов Александра I. Впервые они встретились в мае 1813 г. в Теплице [4, с. 477].

В том, как З.А. Волконская пишет об авторе "Фауста" и "Вертера" заметно восхищение. Литературовед С.Н. Дурьин отмечает по поводу отношения З.А. Волконской к И.Ф. Гёте: "Все московское пятилетие Гете был властителем и ее дум (хотя, быть может, и не самодержавным), как был он пленителем эстетической совести и мысли окружавшей ее молодежи "Московского Вестника"" [Там же, с. 482].

В путевых записках З.А. Волконская часто упоминает различных писателей и их произведения. Оказавшись в Падуе и увидев Эвганейские горы, она вспоминает о Петрарке и оживает перед читателем легенду о любви поэта к Лауре, в Венеции З.А. Волконская упоминает о Д.Г. Байроне, в Падуе – о Данте. Писательница сравнивает Тоскану с "вергилиевой эклогой" и передает свои впечатления в духе Вергилия: "Веселые поселанки, черноглазые, в красивом убранстве, плетут солому и готовят те легкие шляпы, которые им самим служат убором, или отправляются в дальние города стран заальпийских. Здесь набрасывают они легкую тень на смуглое чело маломыслящей поселанки" [6, с. 19].

Еще одна особенность путевых записок З.А. Волконской заключается в том, что в них явно проявляется интерес писательницы к истории. Некоторые очерки передают не описание определенного города, но средневековое предание. Например, впечатления о пребывании в Регенсбурге описаны в форме легенды о Черном рыцаре, которая воочию предстает перед читательским взглядом. А впечатления о Флоренции автор передает через описание мраморной статуи Ниобы и пересказ легенды о Ниобе.

Лейтмотивной для путевых записок З.А. Волконской становится женская тема и тема материнства. Оказавшись в Бернеке у церкви, посвященной Богородице, автор задумывается о женском предназначении. В другом отрывке писательница сравнивает венецианский диалект с лепетом ребенка: "Диалект венецианский мил, как лепетание ребенка, и наполнен, как он, природною поэзией" [6, с. 16]. З.А. Волконская задумывается о чув-

ствах женщин, живущих с великими мужьями: "Таким же образом люди, живущие всегда с великими мужами, свыкаются с их величием; так вдова великого островитянина ценит себя простою вдовою, а жена альбионского барда видит в гении, принадлежащем вселенной, собственного мужа, хозяина, угодника ее домашних причуд" [5, с. 226–227].

Наиболее ярким представляется финальный эпизод путевых заметок, где представлены в параллельном повествовании миф о Ниобе и смерти ее детей и история о гибели жены и детей некоего консула во время кораблекрушения на Черном море. Оба эти рассказа примечательны тем, что представляют собой, в первую очередь, истории несчастных матерей, которые не могут спасти своих детей. З.А. Волконская передает эмоциональное состояние Ниобы, которая ощущает боль своих погибающих детей как свою, и она хотела бы оказаться на их месте, пожертвовать собою ради своих чад. Иносказательно и достоверно автор описывает также обращение Ниобы в камень и материнские чувства героини: "Вопль и нареканья долго текли из уст измученной матери, как лава кипящая; но вот все погибло, все молчит: уж стрелы не валяются; и гордая Ниоба стала матерью недвижимого семейства... и замолкла как погасший вулкан: все волнение, весь жар, весь огонь – все истощено ужасным извержением. Она стоит оцепенелая" [6, с. 21]. Реальная история, которая параллельно вспоминается автору, схожа по своему эмоциональному накалу с описанием мифа о Ниобе: во время кораблекрушения на Черном море мать в отчаянии обвязывает шалью себя и троих своих детей, чтобы умереть вместе. "Три ангела земных вознесли ее на небо к Ангелам родным и к Матери небесной", – так завершается эта трагическая история [Там же, с. 22]. Подобное эмоциональное и драматическое отражение темы материнства, возможно, было связано с тем, что З.А. Волконская, уезжая в путешествие, оставляла в России любимого сына Александра.

Путевые воспоминания З.А. Волконской стали отражением одной из граней таланта этой одаренной писательницы. Следуя, с одной стороны, сложившимся традициям жанра, автор также привнесла в заметки индивидуальное начало, что делает данные тексты уникальными в женской прозе первой трети XIX века и оригинальным документом эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гarris М.А. Зинаида Волконская и ее время. М., 1916.
2. Иванова Н.В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2010.
3. Киреевский И.В. О русских писательницах (Письмо к Анне Петровне Зонтаг)// Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 123–132.
4. Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932.
5. "Северные цветы на 1830 год". СПб, 1829.
6. Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж и Карслруэ, 1865.
7. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб, 2004.